

ВСПОМИНАЮ весну 44-го. Собственно, весной она считалась только по календарю, а в действительности это была зима, разбушевавшаяся на последнем своем дыхании.

Однажды, в ту лютую стужу, когда квартировавшие у нас солдаты ушли на очередное задание, я заметил на подоконнике небольшую книжку. Разобрать название было трудно: обложка сильно потрепана. И вот я, еще плохо читавший в первом классе, листая страницу за страницей, впервые познакомился с любимейшим солдатским героем Василием Теркиным. Я даже не сразу осознал, что это стихи, настолько естественно велся рассказ о человеке на войне. В тяжелые времена, когда вокруг смерть и горе, людям особенно нужно хоть немного доброты и тепла. Тогда они обращаются к источнику, который еще никому и никогда не удавалось уничтожить, — народному творчеству. И песня лечит израненную душу, дает силы, согревает. Поэма Твардовского сродни такой живой песне.

И вот уже я ищу его книги на полках школьной библиотеки, с интересом прислушиваясь, когда это имя звучит в разговорах. Твардовский — уже мой поэт. Мой друг. С ним легко, к нему тянет.

В этом, наверное, сила поэзии, когда без нее невозможно жить! С ее помощью познаешь самого себя, властью метафоры выходишь на орбиты Вселенной и оттуда — в хаосе и гармонии — видишь себя же в нашем прекрасном и, к счастью, до конца не разгаданном мире.

Когда в середине 50-х мы, тогдашние студенты консерватории, впервые познакомились с «Илиадой» и «Одиссеей», то перечитывали эти гениальные древние творения по нескольку раз; нам слышались песни сирен, виделись мачты кораблей...

Оказалось, что многие известные афоризмы брали начало именно оттуда. Великий Гомер сумел гениально вобрать и сконцентрировать время в своих поэмах, так же как много веков спустя сделали это Шекспир, Гёте, Пушкин...

Мы буквально атаковали соседствующую с нашим общежитием городскую библиотеку, чтобы раздобыть что-то особенно интересное, еще не известное нам. Однажды попали в руки несколько альманахов со стихами раппопцев. Читали вслух, после долго спорили, пока под утро не разругались вконец. Тогда же, помню, появились переводы С. Маршака, открывшие сцены жизни Шотландии в поэзии Бернса, мы полюбили стихи Беранже, жесткие ритмы строк Маяковского. Признаться, меня тоже потянуло к поэзии, я стал посещать литобъединение при газете «Молодежь Молдавии», из которого вышло впоследствии много известных поэтов республики. Там я узнал немало о теории стихосложения, о «банальных» и «новаторских» приемах, о стихотворной форме и понял... надо прекратить писать стихи.

Мне не удалось найти собственный путь в неизведанный образный мир, способный возвысить и очистить человеческую душу, мир, окрыляющий автора, а за ним и его читателя.

Послевоенная юность моего поколения была окрашена романтикой восстановления страны. Поэтому, возможно, и стихи поэтов того периода несли пафос созидания. Да и песни были по большей части своей мажорными, маршеобразными. Музыка, скажем, И. Дунаевского сильно подействовала на развитие поэзии: многие поэты писали в очень ярко выраженной песенной форме с элементами куплетности.

На мой взгляд, это хорошо, что по-

являлись кумиры, которым хотелось подражать.

Но время менялось, и в поэзию вошли Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский. Для нас это было потрясением. Мы читали, восхищались, спорили, переживали из-за критики, которая их, как

поясняющим, как и что следует понимать. К нему в квартиру приходит Эрмитаж со своими картинами, поэзия А. Блока, киноповести Шукшина, герои Толстого и Пушкина, Антарктика, космос, атом, кенгуру, инки... И телезрителю уже не хочется отрываться от «ящика», брать книгу и тра-

о так называемом досуге молодежи. Но в этих хлопотах очень редко заходит речь о книге, поэзии, серьезной музыке, формирующих нравственные устои личности. Считается, что молодежь нужно чем-то занимать, отвлекать от улицы. И тут «приходят на помощь» дискотеки, кафе. Ну, хорошо, поплясали, выпили чашку кофе. Что дальше? Разговоров-то серьезных не происходит. Люди разучились общаться друг с другом, спорить, вырабатывать собственную нравственную позицию и аргументированно отстаивать ее.

Жизнь молодого человека состоит не только из занятий и работы. У него есть и выходные дни, и свободные часы. Но не ориентируйте его только на дискотеки и развлечения! Меня поразило в сражающемся Никарагуа кафе, где молодые люди за столиками пьют кофе, настоя ароматических трав со льдом и в этом же зале выбирают себе книги, спорят о поэзии, покупают интересные их пластинки. И никто никому не мешает.

Наши творческие союзы подобны улиткам. Каждый сидит под своим панцирем и ничего не видит из-под него, ничего не слышит. Как было бы здорово собрать под одной крышей людей из разных сфер творчества! Ведь проблемы у нас общие. Послушать стихи, затем погрузиться в мир необычной музыки, поговорить о новых работах художников, выставленных здесь же. Мы бы хоть в лицо узнали друг друга! Когда поэт читает свои стихи в концертной студии Останкино, это не заменяет живого общения: там ведь не поспоришь. Надо стремиться к живому контакту. Может быть, тогда почувствовал плечо друг друга, мы сможем обрести большую силу, а следовательно, и большие возможности воздействия на общественное сознание.

Мне кажется, что в силу самоизоляции поэтическое творчество измельчало. Есть стихи, но мало поэзии. Когда ищешь в десятках сборников строки, которые можно положить на музыку, сталкиваешься с проблемой острейшего дефицита подлинной поэзии, то есть такой, которая несет в себе силу и страсть времени, глубину чувств человеческих, живое, творческое дыхание. И тогда обращаешься к книгам А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Берггольц или Н. Рубцова. И все? Да нет. Есть много и ныне здравствующих, обладающих здоровым поэтическим пульсом. В последнее время, помимо стихов Р. Рождественского, меня все больше занимает песенная поэзия Г. Виери, А. Дементьева, В. Лазарева, Э. Лотяну. Я нахожу в ней ответы на многие волнующие меня проблемы, это проблемы поколения — любящего, ненавидящего, борющегося.

Я не склонен думать, что поэзия должна сознательно перестроиться или переродиться. Время определяет ее облик, оставим эту миссию за ним. А вот ситуацию вокруг поэзии надо менять. Пусть талантливая и пользующаяся большим спросом книжка будет издана большим тиражом, нежели та, которая этого не заслуживает. Нужно, чтобы хорошие книг хватало всем и, скажем, зарубежная эстрада не отстала поэзии.

Настоящая поэзия не умирает, как не умирает и музыка. Но их надо беречь. Они очень ранимы и в силу этого сейчас незаслуженно отодвинуты «на обочину». А на магистральном пути суррогат зачастую выдает себя за истинное искусство. Думается, что, пока наше восприятие высокого слова еще не атрофировалось, необходимо и возможно вернуть искусство поэзии самому широкому читателю.

КИШИНЕВ

Стремиться к контакту.

Евгений ДОГА,

композитор, народный артист Молдавской ССР

известно, не щадила. И все-таки поэты состоялись. У нас в Молдавии вырастали А. Чокану, А. Бусуйок, А. Кодру, Г. Вода, П. Боцу, Г. Виери...

Что сказать о проблемах сегодняшней поэзии? Прежде всего они, по моему, неотделимы от проблем музыки, кино, живописи, литературы в целом. Сейчас человек склонен к пассивному восприятию обрванного мира, ибо телевидение ему, сидящему дома в мягком кресле, преподносит все, как говорится, на блюде и в разжеванном виде: с закадровым текстом,

титль на нее часы и дни. Его перестают увлекать форма повествования, слово, слог, метафора. Информативное и зрелищное начало подавляет эстетическое. Он постепенно отвыкает от активного мышления, для него поэзия чувств, образов становится непонятной, труднопостижимой, а потому и неприемлемой. Кто виноват? Конечно, он сам. Но не только. Человека формирует среда. А вот в среде есть много претензий, она ведь не возникает из атмосферных колебаний. Ее формируют люди. Скажем, много говорят сейчас